

Максим Александрович Жуков родился в 1968 году в Москве. Поэт, прозаик, журналист. Член Союза литераторов России. Победитель конкурса «Заблудившийся трамвай» (2012). Обладатель Григорьевской поэтической премии (2013). Публиковался в газетах «Московский комсомолец», «Литературная газета»; в журналах: «Знамя», «Нева», «Юность», «Сибирские огни», «Новая реальность» и др.. Автор трех поэтических книг.

Максим Жуков
г. Евпатория

Про пору

Как не люблю твою пору –
Пора не та и всё не впору,
И день и ночь не ко двору,
Да и дела мои не в гору.

Мент, покидающий контору,
Глядит на пёструю игру
Объяв, прилепленных к забору
Его конторы, на ветру.

Призвав, как Герцен, к топору,
Пожару, голоду и мору,
Воздал отечеству позору
Телеведущий поутру.

И я, прибегнувший к перу,
Скуривший пачку “Беломору”,
Для рифмы пролиставший Тору,
Как Моисей,
народу – вру.

*Наш роман с тобой до полуночи,
Сука здешняя, коридорная.*

А. Галич

Чьи-то лица припомнятся,
Кто-то ближе подвинется –
Это просто бессонница
И чужая гостиница.

Как жила? Припеваючи?
Не в особом экстазе ведь,
Расскажи мне о Галиче,
Если сможешь рассказывать.

Может, все перемелется,
Может, снова навалится –
Не вдова, не изменница.
Не дала... Что печалиться?

Не княжна, не снегурочка.
Светит тусклая лампочка.
Ты ждала его, дурочка?
Не воротится, лапочка.

Сонет с отточием

Живя на первом этаже,
Вот-вот опустишься в подвалы:
Ведь на сортирах есть уже
«М/Ж» – мои инициалы.

В глазах чернильная мазня –
Вином забрызганные строчки.
Пришла весна, и у меня,
Как на ветвях, набухли почки.

.....

Я это все пишу тебе
Под утро, медленно трезвея.
Пигмалион и Галатhea –

Мы не подходим по резьбе.
И в Ж отосланный тебе я,
Как М, отвечаю на Б.

Закат в Киммерии. Над городом пыль.
Скрывая похмельную робость,
Сойди на платформу, себя пересиль
И сядь на вокзале в автобус.

За окнами переместятся дома,
И перекупавшийся в море
Курортник, от скуки сошедший с ума,
Пройдет через двор в санаторий.

И свет на домах, как пришедший извне,
Как будто описанный в сказках, –
Блуждает огонь в голубой вышине
Среди переулков татарских.

И пригород тот, что являлся во снах,
Покуда ты значился в списках,
Мелькнет за окном, исчезая впотьмах
В пологих холмах киммерийских.

Отсюда твоя начинается быль:
Ни чести, ни славы, ни денег;
Лишь ходит по степи волнами ковыль –
Устойчивый крымский эндемик.

Как будто с Отчизной не порвана связь
И только с годами крепчает...
И та, что тебя так и не дождалась,
Стоит на перроне, встречает.

Как будто бы ты не погиб на войне,
А вышел, как все горожане,
На свет, где огонь разгребают во тьме
Татарские дети ножами.

Где подрались скинхед и хачик
(Из-за чего – пойдя спроси),
Там уронила Таня мячик,
Когда платила за такси.

А ей налили полстакана,
А ночка темная была.
Она запела про Ивана,
Но всё же с хачиком пошла.

Жизнь ушла на покой, под известным углом.
Затянув ли, ослабив ли пояс,
Возвращаясь в себя, кое-как, чёрт-те в чём,
Ни в былом, ни в грядущем не роюсь.

Жизнь ушла на покой, как слеза по скуле,
Был мороз, был февраль, было дело.
И весь месяц мело, видит бог, в феврале,
Но свеча на столе не горела.

Ни свечой на пиру, ни свечой в полутьме,
Никакой ни свечой, ни лучиной
Не осветишь себя целиком по зиме,
Ни поверх, ни до сути глубинной.

Возвращаясь в себя, забирай же правей.
Забирая левее на деле...
Не мело в феврале – ни в единый из дней.
Нет, мело! Но мело – еле-еле.

Жизни не было. Так самый трезвый поэт
Написал на полях – видно, дрожжи
Со вчера в нем ещё не осели, – иль нет! –
Это я написал, только позже.

Только раньше ещё, но в который из дней –
В феврале ли, в апреле, в июле?
Жизнь ушла на покой – так-то будет верней.
Жизнь ушла – и её не вернули.